

Скептицизм — сомнение в истинности чего-то. Даже в том, что истина, в принципе, существует.

Это изощренное издевательство изобрели самые зловедные древние греки. Большинство античных философов утверждали какие-то неоспоримые истины. Античные скептики же сами ничего не утверждали, а занимались исключительно тем, что критиковали всех прочих.

Панельная шестнадцатизэтажка, в которой жила Алина Дельфинова, всегда отличалась хорошей слышимостью между квартирами. Звук гулял от комнаты к комнате, от этажа к этажу крайне причудливыми и извилистыми путями, вероятно из-за сложной схемы вентиляционных каналов.

Например, в кухне Алина периодически слышала застольные песни как будто бы соседей сверху. Но вот какое дело — над ней жила благообразная одинокая старушка, и такой привычки за ней не водилось.

В комнате иногда было слышно, как девочка играет в мяч, напевая песенку, и роняет на пол что-то тяжелое. В другие же дни женское контральто страстно умоляло о чем-то Василия. Это было похоже на правду, хоть Алина и не была знакома с соседями сверху.

При этом в ванной ни пенопений, ни Василия, ни девочки слышно не было. Зато периодически папа, ругаясь на чем свет стоит, купал сына («*Рома, прекрати орать! Я мою тебе голову, а не отрезаю ногу!*»). А еще безымянная девушка звонила многочисленным подругам и рыдала в трубку, изливая на них свои жизненные невзгоды. Последняя доставала Дельфинову особенно сильно, потому что ответов собеседников слышно не было, а печальные обстоятель-

ства и лихорадочные вопросы были раз от раза не слишком оригинальны.

Однажды Алина вернулась домой очень поздно и очень злая. По вечерам после работы она обычно занималась репетиторством — обучала желающих английскому или французскому. В тот день она с самого утра чувствовала себя неважно, но занятие отменять не стала. Старшеклассница готовилась сдавать экзамен, и каждый день подготовки был на счету. Да и цена за занятие приятно радовала. Правда, ехать нужно было на другой конец города, в Купчино, а там еще от метро на троллейбусе добираться.

Дельфинова уже подъезжала к нужной остановке, когда в кармане завибрировал телефон.

— Алина Игоревна, добрый вечер, это мама Лизы.

— Здравствуйте... — В груди шевельнулось недоброе предчувствие.

— Извините, что так поздно сообщаю, но моя дочь приболела, так что давайте сегодняшнее занятие отменим.

Вежливая полуулыбка на лице у Дельфиновой от этих слов непроизвольно трансформировалась в зверский оскал. Девочка же не пять минут назад «приболела»? Так отчего же заранее было не предупредить?! Но клиент, который за полуторачасовое занятие готов выложить две тысячи, на дороге не валяется, так что Алина стиснула зубы и, пожелав вслух Лизе скорейшего выздоровления, а про себя ее маме хоть чуточку совести, злобно пихнула телефон в сумку. По законам вселенской несправедливости аппарат в кармашек с первого раза не попал, а выскользнул, стукнулся о ручку кресла и полетел куда-то под ноги. Пришлось искать его среди ботинок других пассажиров, неловко извиняясь, а когда Алина наконец нашарила силиконовый чехол, то обнаружила на экране трещину, по форме напоминающую злорадную ухмылку.

Когда она добралась домой, было уже почти девять вечера. Моросил дождь, зонта с собой не было, так что в квартиру вползло что-то унылое-злое-несчастное, с обвисшими влажными волосами и урчащим желудком. Скептически осмотрев пустые полки холодильника (откуда там взяться лишней еде в пятницу поздно вечером?), Алина достала последний имеющийся в наличии ценный ресурс — початую бутылку вина — и залихватски плеснула все, что в ней оставалось, в бокал. Затем открыла в ванной кран с горячей водой, присела в ожидании на корзину для белья и собрала себя любить, жалеть и утешать. Но тут, как назло, эта слезливая соседка решила, что ее проблемы намного ужасней, и стала их кому-то громко излагать по телефону:

— ...вот и она мне говорит, что это точно признаки измены! Когда так мужик себя ведет — цветы таскает, нежности говорит неожиданно, смотрит таинственно...

— ...

— Точно-точно, как кот — нагадит в углу, а потом такой ласковый весь, трется, мурлыкает, чувствует, что виноват.

— ...

— Думаешь? Нет, сомневаюсь я что-то... Если бы мы только начали встречаться, то ладно. А мы ж уже три года вместе. Да и Женька говорит...

— ...

— Конечно, доверяю! У нее этих мужиков знаешь сколько было?

— ...

— Ну и что, что не замужем. Тут ведь вопрос в психологическом опыте. Да и не хочет замуж она. Постоянно твердит, что хорошее дело браком не назовут.

— ...

— Да не знаю я, что делать собираюсь... Уже всю голову сломала! Наверное, брошу его первой, как Женька советует.

— ...

— Конечно, буду страдать, все-таки люблю я его, придурка! Но лучше так, чем у разбитого корыта остаться... У меня все-таки тоже есть гордость!

Слушала это все Алина, и злость ее брала...

Что ванная так плохо звукоизолирована.

Что нельзя в тишине и спокойствии провести хотя бы остаток дня.

Что неизвестная девушка дурью мается, а ей, Алине, уже сто лет никто цветов не дарил.

Что проблемы в отношениях — это и не проблемы вообще, когда еле концы с концами сводишь.

И что вина больше нет, ведь она оставшееся в бутылке сразу вылила в бокал, а пока сидела и слушала слезливый монолог, почти все и выпила незаметно.

И то ли злость дошла до кондиции смелости и озорства, то ли (что более вероятно) поспособствовал алкоголь, выпитый на голодный желудок, но Алина внезапно вскарабкалась на унитаз и, подтянувшись поближе к решетке вентиляционного канала, пробасила, растягивая гласные:

— Раз любо-о-о-овь нашла, не зови-и-и к себе го-о-оре... Он предложе-е-е-ние тебе сделает вско-о-о-о-оре...

И, пьяненько захрюкав в ладошку, Алина сползла на пол, поздравляя себя с отличным приколом! Да еще и в рифму получился экспромт! Ха!

Настроение резко улучшилось, тем более что после ее выходки соседский монолог прекратился и в ванной наконец наступила долгожданная тишина. Алина не стала задумываться, почему соседка замолчала — то ли просто

переместилась с телефоном из ванной, то ли услышала ее слова и упала в обморок от возмущения. Главное, что теперь можно спокойно блаженствовать в горячей воде, не думая о сегодняшних неудачах.

Спустя пару месяцев Алина уже и думать забыла о том смешном полупьяном эпизоде в метаниях между основной работой и репетиторством. В очередные выходные она умывалась перед сном, когда снова услышала где-то в соседней квартире телефонные переговоры в стиле «Алло, Галочка, ты не поверишь!».

«Давненько ее не было слышно...» — лениво подумала Алина, размышляя о своем и стараясь не вникать в смысл слов. Увы, не вникать не получалось, потому что взвизги и восторженные возгласы было слышно так явственно, будто говорили за дверью, причем открытой.

— ...Да, спасибо, дорогая!

— ...

— А я-то как рада! (Счастливым смех.)

— ...

— Да, хорошо, что не послушала Женьку, а то неизвестно, чем все могло закончиться.

— ...

— Ну как тебе сказать... Решила не спешить. Раз уж нашла свою любовь, то зачем призывать горе... Нужно любимому человеку верить, а не рушить все собственными руками.

«Это что же, она меня сейчас процитировала?» — изумилась Алина.

А монолог за стенкой продолжался:

— ...

— Конечно, поэтично выражаюсь. (Радостный смех.)

Так счастливым невестам и полагается — птички поют, солнышко светит, стихи сами сочиняются.

«Ну надо же! Как все совпало! Получается, что и правда ее ухажер сделал ей предложение руки и сердца!» — Алина подбоченилась и с гордостью заправской свахи посмотрела на себя в зеркало, смело приписав себе большую часть заслуг.

— ...

— Уже все практически готово, да. Платье только никак не найду себе! Уже все приличные магазины обошла, и ничего! А на заказ не успеют уже сшить, надо было заранее.

— ...

— Да, там тоже была. И на Сенной, и в Галерее. Уже и не знаю, куда ехать...

У Алины практически засвербило на языке, слова мгновенно сложились в строчки. Она подскочила к вентканалу и, не задумываясь о том, что делает, выпалила на одном дыхании:

— Неде-е-е-е-елю ешь лишь хлеб и во-о-о-оду, Найдешь, что ищешь, на Обводном.

На несколько секунд воцарилась тишина, и за это время Алина сползла на пол с совершенно ошалевшим видом, потому что такие спонтанные и хулиганские поступки были совершенно не в ее стиле. И вдруг раздался вопрос:

— Кто здесь? Кто это сейчас сказал?

Алина беззвучно выругалась и метнулась прочь из ванной, тихо прикрыв за собой дверь. В тот вечер она долго не могла заснуть, ругаясь на себя и недоумевая, какая муха ее укусила.

Несколько месяцев Алина молчала в ванной как партизан, испугавшись и чувствуя неловкость за свои глупые шуточки, но в конце концов не сдержалась. Соседка все так же продолжала бубнить кому-то по телефону про свои проблемы, иногда задавая вслух риторические вопросы.

Любовь по предсказанию

Если на языке рождались подходящие ответы, то удержать их в себе было категорически невозможно.

Так, Алина однажды вечером поведала соседке, что «к лицу тебе зеленый цвет, причиной станет он побе-е-е-ед». А в другой раз сообщила перед корпоративом ее мужа, что «спиртное станет выпивать, аварии не избежа-а-а-ать». И так драматично взывала в конце.

Но, слава богу, на комментарии в решетку вентканала соседка больше никак не реагировала и диалог снова развить не пыталась. То ли поменяла вытяжку и больше не слышала Алину, то ли намеренно игнорировала, считая это чьими-то дурацкими приколами, что, собственно, так и было.

**ОРАКУЛ:
ИМЯ ДЛЯ СЫНА**

Яблоко раздора – маленькая причина большого спора.

Богиня раздора Эрида, не приглашенная на свадебный пир, обиделась и подбросила гостям золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей». Три богини поспорили, кому должен достаться фрукт-провокатор, а рассудить их был назначен красавчик Парис, сын царя Трои. Пытаясь склонить юношу на свою сторону, Гера обещала сделать его самым могущественным правителем, Афина – самым доблестным воином. Афродита же, видя, что Парис находится в эпицентре гормонального взрыва, посулила ему благосклонность прекраснейшей из женщин, Елены, жены царя Спарты. Недальновидный юноша выбрал любовь и тем самым развязал Троянскую войну.

*Т*а злополучная пятница стала настоящим доказательством, что закон подлости столь же реален, как и законы Ньютона.

Всю неделю Алина исправно таскала зонт, несмотря на предсказания метеорологов и издевки коллег, но именно сегодня, конечно же, оказалась без него. В итоге, пока она доехала от работы до своей станции метро, графитно-серые тучи разбухли от влаги и протекли. В парадную Дельфинова влетела в уже хлюпающих ботинках, разбрызгивая вокруг себя холодные капли. И, только отряхнув плечи и воротник, поднятый в напрасной попытке согреться, заметила на лифтовой площадке соседку.

Имени ее Алина не знала, но смутно припоминала, что живет та вроде бы несколькими этажами ниже. Вежливо кивнув, хоть лично они и не были знакомы, Дельфинова с тоской наблюдала за тем, как лифт медленно ползет на первый этаж с самого верха. Соседка была примерно одного возраста с Алиной. Молодая приятная брюнетка, и притом глубоко беременная.

— Ну и погодка, — весело проговорила она, — как будто не март, а октябрь на улице. Представляете, я и полпути до женской консультации не прошла, а тут как польет.

— И не говорите, кошмар! — согласилась Алина. — И, кстати говоря, мои поздравления со скорым прибавлением в семье! Недавно вроде бы виделись, а уже без пяти минут как новый человек появился.

На самом деле Дельфинова абсолютно не помнила, когда она в последний раз видела эту девушку. Но, когда двое сталкиваются в замкнутом помещении, вежливость вроде бы обязывает поддержать разговор.

— Это точно, время летит быстро, — засмеялась будущая мамочка, ласково поглаживая свой округлый живот. — Мы и вещи-то детские не все еще успели прикупить, а теперь мне по магазинам уже ходить тяжело.

— Ну ничего, на малышей сейчас можно все через интернет заказать, мне подруга рассказывала, — ответила Алина. — С именем-то уже определились?

Лифт наконец соизволил спуститься, и из него вышли другие жильцы. Поднимаясь вверх, Дельфинова снова оказалась тет-а-тет с соседкой. Настроение у будущей мамочки внезапно испортилось. Впрочем, Алина слышала, что у беременных и не такие причуды бывают, и не приняла это на свой счет.

— С именем у нас что-то никак не складывается, — печально продолжила девушка прерванный диалог. — Понимаете, я хочу Платоном сына назвать, а муж ни в какую — говорит, что за дурацкое имя, пусть будет что-то простое, Саша, там, или Дима. Да еще и свекровь уперлась — назовите Анатолием, в честь деда, он, мол, хорошую жизнь прожил. Вот и называла бы своего сына, правда ведь? А я своего хочу сама назвать!

«Да уж, человек не успел родиться, — подумала Алина, — а уже стал яблоком раздора». А вслух сказала: